

ЭЛЕОНОРА ПИЩАЛЬНИКОВА

33 часа из жизни врача

Рассказ

Уже несколько лет я страдаю бессонницей. Что только не делала, что только не принимала – всё бесполезно. Даже к психиатру обращалась, к знакомой. Шутя просила – не может ли она меня «закодировать» на сон, она же алкашей кодирует. В ответ она рассмеялась, сказала, что такого еще не придумали, кое-что посоветовала и объяснила, что моя бессонница – следствие моей прежней работы хирургом. «Ты вспомни, – говорила она, – как вы работали в своей больничке? Вас было мало, а работать и дежурить по ночам надо было каждый день, да еще к тяжелым больным вызывали. Поверхностный сон, хронический недосып – вот теперь и пожинаешь плоды. Вспомни, ты в те времена когда-нибудь высыпалась?»

И многое вспомнилось...

Рабочий день выдавался тяжелым: обход, операции – одна, другая, потом подвезли третьего и закончили уже где-то далеко в послеобеденное время. Потом перевязки, снова операции, но уже в гнойной хирургии, потом поликлиника, где каждый день ждут приема 30-40 человек. Затем снова стационар, консультации больных в терапии, осмотр поступивших больных и нескончаемая писанина историй болезни. А в 6 часов начинался ночное дежурство, когда уходит вся дневная смена и остаются только дежурные медсестры и врач.

Нужно сходить на кухню снять пробу перед ужином. Потом снова больные, вечерний обход – и так до позднего вечера. Часам к одиннадцати в отделении всё вроде успокаивается. А на столе еще куча ненаписанных историй болезней. Надо писать. И только поздней ночью можно позволить себе лечь на диван и вытянуть уставшие за день ноги. Можно и подремать. Но сон чуткий, вздрагиваешь на каждый шорох, шаги, охи. Особенно в теплое время года, когда окна

открыты, на улице чудесная ночь, стоит прозрачная осенняя тишина. Окно нашего небольшого врачебного кабинета на третьем этаже, как раз над санпропускником, так что слышно любое движение во дворе больницы. Вот слышно – едет «Скорая»! Если проезжает мимо, значит, направляется в роддом. Но «Скорая» останавливается у санпропускника. Наши дежурные сестрички из окна третьего этажа кричат: «Куда привезли?» Те отвечают, и если в терапию, то еще можно подремать. Если в хирургию, то придется вставать. Но есть еще несколько минут дремы, пока они там разберутся. Слышны шаги, заходит медсестра и говорит:

– Лидия Васильевна, к нам привезли. Пьяный мужик, вся голова в крови.

– Берите в перевязочную, сейчас приду.

Через короткое время слышны шум, топот, мужик упирается, матерится, но его ведут. Вот сейчас пора вставать. Встала, сполоснула лицо из-под крана, поправила халат, шапочку, подкрасила губы, пошла.

В перевязочной пьяный мужик матерится по-черному, а медсестры, обстриженные от крови волосы, освобождая рану, приговаривают:

– Ну, родненький, ну, миленький, потерпи чуток...

Вот, думаю, женщины – их матерят почему зря, а они «миленький», «родненький». Вот уж истинные сестры милосердия!

Только закончили с этим мужиком, из санпропускника приходит санитарка с направлением от «Скорой», диагноз – вывих плеча.

– Давай его сюда, только сначала в рентген заведи, а потом со снимком к нам.

Сидим, ждем. Сестры потихоньку переговариваются о детях, мужьях, огородах. Санитарка приводит беспрестанно охающего мужчину. Рука висит. На снимке – вывих плеча.

– Ну, девочки, продолжаем работать.

Сделав всё, что требуется, плетусь в свой кабинет седьмой на третьем этаже. Как тяжело все-таки вот так часто дежурить. А что поделаешь? Нас мало. Врач-дежурный в отпуске, вот и приходится...

В коридоре догоняет сестра:

– Лидия Васильевна! Скорее во вторую палату, больной плохо!

Во второй палате лежат послеоперационные больные, что там могло случиться? Иду, осматриваю больную, даю распоряжения медсестрам. Долго провозились, но, слава Богу, все обошлось.

А уже светает. До конца смены еще 2 часа. Как хорошо! Целых 2 часа можно отдыхать, если опять ничего не случится и никого больше не привезут. Теперь не только ноги, но и все тело требует отдыха. 2 часа пролетают как миг.

Вскакиваю, привожу себя в порядок, бегу на кухню снять пробу перед завтраком. И звонить, звонить детям! Они нечеловечески, отец работает в ночную смену. Подзываю старшего:

– Как дела, как спали, что делаете?

– Всё, мама, нормально. Встали, сейчас будем завтракать. Я уже и чайник вскипятил.

– Молодцы, молодцы, мои хорошие! Завтракайте – и в школу! Удачивам! Я люблю вас!

Вот и хорошо. Можно и дальше работать. После ночной смены дежурные сестры уходят домой, а вот врач остается на весь рабочий день. И все начинается, как обычно: обход, операции, перевязки и т.д.

Во второй половине дня звоню домой. Отвечает младший, слышу, со слезами.

– Ну, в чем дело, лапочка? Оказывается, не может решить задачу, и дома никого нет, чтобы помочь.

– Приходи сюда, ко мне в больницу, как-нибудь вместе разберемся.

Через полчаса прибегает мой младший, первоклассник. Скукая по маме, он частенько прибегает сюда, на дежурство. Раскладывает на столе тетради, учебники, ручки. Садимся рядом, начинаем читать задачу. В кабинет заглядывает медсестра:

– Лидия Васильевна, вас просят в перевязочную.

Обращаюсь к ней:

– Надюша, ты сейчас свободна?

– Да, более-менее.

– Помоги, пожалуйста, моему сыну с задачей, а я пойду.

– Ладно, ладно, Лидия Васильевна, идите.

Иду в перевязочную, делаю свою работу. Возвращаюсь в кабинет и вижу: сидит мой мальчик и, держа на коленях толстую-толстую книгу «Атлас хирургических операций на брюшной полости», разглядывает картинки. Сажусь рядом, спрашиваю о задачке.

– А мне тетя Надя уже всё объяснила, я решил и переписал в чистовик. Мам, а что это такое? – тычет пальцем в красочно изображенный желудок. Не успеваю ответить, потому что снова заглядывает медсестра:

– Лидия Васильевна, больной из 3 палаты говорит, что вы его выписали. Отпустить?

– Да, я его выписала, отпусти его домой.

Сын вдруг встал напротив меня и, глядя своими огромными, черными печальными глазами, как-то очень серьезно произнес:

– Мама! Когда вырасту большой, я обязательно напишу тебя откуда... домой.

В горле застрял какой-то ком, глаза набухли слезами и, прижав к себе сына, я прошептала:

– Спасибо, родной...

ЕЛЕНА ЕВДОКИМОВА

Возвращаюсь в светлый дворик, Где забыли обо мне. Дядя Паша, старый дворник, Что-то чинит на окне. Иасфальтрасчерчен мелом, Как и много лет назад, И мальчишки неумело На гитарах тут бренчат.

Здесь меня когда-то детство Проводило до угла, И нехитрое наследство Я по жизни берегла. Было некогда вернуться, У соседей погостить, В их проблемы окунуться, О жите-бытье спросить.

Но они обид не держат, Мне обрадовались все, Амоямальчикповзрослевший Не узнал меня совсем. Рюмки водочкой наполним... Он немножечко смущен И боится, что напому, Как он был в меня влюблен.

Я уеду завтра утром, Может быть, еще вернусь... За окном сентябрь хмурый, Налетит на сердце грусть, Надоест вагонный грохот, Чай горячий подадут... В жизни всё не так уж плохо, Если где-то тебя ждут.

Давай сбегим, давай всё бросим, Найдем приют заречкой быстрой. Взмахнет цыганской юбкой осень, Рассыплет желтые мониста, И у костра

всю ночь пропляшет, Удачу в жизни нагадает. Кто ты такой – не знаю даже. А, впрочем, что это меняет? Забыть в безудержном веселье

В чем мы грешны и в чем не правы. А утром – горькое похмелье. Роса холодная – на травы. Ты, вроде, был и, вроде, не был. Нашелке – золоти и просинь. За табором куда-то в небо Уйдет от нас цыганка-осень.

Притащилась ночью Муза Мне стихи шептать. Удружила. Вот обуза! Лучше бы поспать!

Нет, сидит, надоедает, Лезет в душу мне. И о том, о сем болтает, Сидя на окне.

Смотрит хитро, губы дует: Мол, чего ворчишь? Ты пиши, пока диктую, Всё равно не спишь.

Проводила без крика. Винила себя И жила много лет, как умела. Я, наверно, привыкла любить не тебя, Не ждала и почти не жалела.

Эту нежность в глазах мне не спутать ни с чьей. Ты со мной...

Неужели так надо? Ты вернулся назад из бессонных ночей. Почему же тебе я не рада?

По наклонной, по прямой Жизнь копейкой катится. Надоело быть одной, И с тобой не ладится. Загулять бы, закусить. От обид всех спрятаться... Только некому налить, Некому поплакаться. Разлетелись все друзья, Жизнь своя у каждого: Кто-то в грязь, а кто – князь, Кто на должность важную. Забежал бы в гости кто Новостью порадовать... Всё не так, и всё не то, Нечего загадывать. По наклонной, по прямой Вниз на быстрых саночках. Недоволен кто-то мной – Видела всех в тапочках! Быть хорошей – не для всех, Всем нельзя понравиться, А когда придет успех, То врагов прибавится. Ты, копеечка, катись, Веселей позвякивай. Глупо плакаться на жизнь – Принимаю всякую.

НИНА ПАВЛОВСКАЯ

Год за годом Что-то происходит. Цикл за циклом Проживаю я. Шаг за шагом Жизнь моя проходит, Что же будет дальше – Знать никак нельзя.

Трудно подниматься, Плакать и смеяться. А еще труднее, Падая, вставать. Год за годом мчаться Надо научиться, Год за годом смело Снова проживать.

Что-то нужно найти, Что-то нужно исправить, Отмолить, победить. Может, так всё оставить?

Жизнь течет, не спеша. Каждый час – свой экзамен. Чет и нечет судьба В своей книге читает. Как проникнуть в неё, Прочитать те страницы, Жизнь понять, простоту Твоей белой жар-птицы.

И опять суета, Новы, старые лица. Только плачет душа, Жизнь живя в небылицах.

Какой же здесь разбросан хлам, Добро и зло увидишь вместе. То здесь валяются, то там Куски стыда,

обрывки чести. А где-то там, в сыром углу совсем, Совсем на дальнем плане Кусочек правды на полу Лежит, завернутый в обмане.

Все узлы развяжу, Пусть останусь нагая. Это ты. Это я, Никакая другая.

Нет преград, нет причин Прятать глупость, незнание, Выставлять пред тобой Что-то «есть», что-то «знаю».

Я как есть пред тобой. С угловатостью тела, С простотой, глубиной: Всё, как есть, что сумела. Посмотри, подшлифуй, Освети, если можно. Закопай, замуруй, Коль святить невозможно.

В. ШУМАКОВ

Багряные пожары зорь

Отступит грусть и даже хворь, Когда, от края и до края, Багряные пожары зорь Взметнутся, небо озаряя.

Разбудят все, в чем есть душа, И в чем ее, казалось, нету, Скользя по листьям камыша Лучами утреннего света.

Заглянут в омут и овраг И пробегутся по протоке, Сопровождая каждый шаг Росой, искрящейся в осоке.

И не забудут посмотреть За горку, дальше, за полянку, В лесу густом найти, согреть Мою любимую зарю.

И здесь, на озере, меня Лучами нежно обнимая, Еще раз польхнёт заря, С восходом солнца исчеза.

На исходе дня

Рассыпался день без остатка На тысячи маленьких звезд. Как быстро он минул? Загадка.

Ответ поищу на вопрос. Смотрю на часы, удивляясь, Когда стрелки сделали круг? И мягко в траву опускаюсь, Усталость навалится вдруг.

А речка поет колыбели, Водой шумит на мели, Как сладко мне в этой постели...

Душа! Над землею пари! Где чай из смородины листьев, Где думы мои у костра, Где имя свое забываю, И то, что домой мне пора.

Мой сон

Закат. У края вод яжду прихода ночи. Когда мой сон возьмет и что-то забормочет, Вдали от городов, за дальними холмами, Возьмет меня в полет, где ветер с облаками.

Закружит, развернет и низко над рекою Так быстро понесет над голубой водою. Прохлада и покой, мерцает отраженье, И нет в моей душе ни капельки сомненья.

Что сон это не явь, и как ты не старайся, И как ты не лукавь и не сопротивляйся. Он, что хотел, тебе в своем миру покажет, И в образах своих о будущем расскажет.

В. КАЛАШНИКОВ

Осиротели без хозяев дачи, В полях закончилась осенняя страда.

Лишь где-то, в пелене туманов прячась, Ревут печально одинокие стада.

Природа в цвет прощания одета, Смирилась с грустной участью она.

И только я ищу остатки лета, Мне не нужна холодная зима. Мне хочется, чтоб снова солнце грело, Шумели зеленые окрестные леса,

Работа огородная кипела, Повсюду слышались людские голоса. Но в прошлое возврата не бывает. Вокруг прохлады дышит тишина, А яркий луч заката освещает Пустую землю и забытые дома.